

В свое время мы затеяли обсуждение причин поражений в той войне для того, чтобы понять, как победить в будущей войне и этим ее предотвратить. О взаимодействии сил и средств в бою я уже написал. Но я сделал для себя и сугубо профессиональный вывод, ведь по военной профессии я командир взвода средних танков.

Это звучит парадоксально, но я пришел к выводу, что танковые войска, как таковые, не имеют никакого боевого смысла и современные танки типа Т-80 — дорогие игрушки, ничего не дающие для победы,

Сначала поясню, какие танковые войска я имею в виду.

У нас, да и в любой армии, основой (главной силой) сухопутных войск является пехота, или, как ее по-современному принято называть, мотострелки. А главной ударной силой сухопутных войск считаются танковые войска.

Сегодня (строго говоря — по состоянию на 1972 г., когда я проходил сборы, но думаю с тех пор никаких существенных изменений не произошло) наши стрелковые войска по сути являются стрелково-танковыми. В стрелковом полку на 3 стрелковых батальона, которые передвигаются на бронетранспортерах или боевых машинах пехоты, имеется и танковый батальон. У танкистов этих батальонов красные петлицы, как и у стрелков.

Кроме этих танкистов, имеются собственно танковые войска. В чисто танковых полках имеется только 3 танковых батальона, никаких более-менее серьезных стрелковых подразделений в танковых полках и дивизиях нет. Танкисты этих войск носят черные петлицы, и когда я говорю, что танковые войска не имеют смысла, то имею в виду именно эти танковые полки, дивизии и их объединения.

Пришел я к этой мысли, пытаюсь проследить за мыслью немцев, строивших свою армию в канун и в ходе Второй мировой войны. Тут важно не просто отмечать то, что они имели, а причину того, почему они это имели, зачем и что от этого они хотели получить. Это важно понимать потому, что и у них не всегда было всего в достатке, и они часто исходили не из идеала, а из конкретных возможностей. Но при этом немцы сохраняли

трезвость в вопросе о том, как победить в бою. (Чем больше узнаешь немцев, тем больше возникает уважения к своим отцам и дедам, сумевшим завалить такого мощного противника.)

В нашем советском понимании танковые войска — это только ганки, в немецком (той войны) понимании — это вооруженная танками подвижная пехота с подвижной артиллерией и другими родами войск. Забегая вперед, скажу: наши сегодняшние мотострелковые войска — это и есть в понимании Гудериана танковые войска. Дивизия, в составе которой только танковые батальоны, с немецкой точки зрения — глупость. Ненужная и вредная. Почему?

Потому что немцы ясно представляли себе, что такое победа в сухопутном бою, — это когда местность захвачена и очищена от противника. Захватить и очистить местность может только пехота, и танки без нее не имеют никакого значения. Поэтому и развитие танковых дивизий немцев шло в сторону увеличения численности мотопехоты по отношению к одному танку.

Если к началу Второй мировой войны в немецкой танковой дивизии была танковая бригада, состоящая из двух танковых полков двухбатальонного состава (в среднем — 324 танка) и одна мотопехотная бригада, состоящая из одного мотопехотного полка и мотоциклетного батальона, то к началу войны с СССР в танковой дивизии немцев на один танковый полк приходилось уже два мотопехотных полка. То есть, если в 1939 г. соотношение между танковыми и мотопехотными и мотоциклетными батальонами было в среднем 1:1, то к 1942 г. стало 1:3, а количество танков в танковых дивизиях сократилось до 149—209 единиц. По отношению к мотострелкам столько же собственных танков и в нынешней нашей мотострелковой дивизии.

Более того. В танковых корпусах немцев были и мотопехотные дивизии, которые совсем не имели танков. Иногда на две танковые приходилась одна мотопехотная, а иногда на одну танковую — две мотопехотных. То есть, в нашем нынешнем мотострелковом корпусе по отношению к пехоте танков больше, чем в немецком танковом корпусе той войны.

Тогда вопрос: почему немцы свою мотопехоту с танками называли танковыми войсками

— танковыми дивизиями, корпусами, армиями?

Из-за экономических трудностей. Они не имели столько автомобилей, тягачей, самоходных орудий и бронетранспортеров, чтобы оснастить ими все свои сухопутные дивизии. Накануне войны с Францией они демоторизовали сухопутные войска — они изъяли у всех пехотных дивизий автотехнику боевых подразделений и передали ее танковым и мотопехотным дивизиям, а пехотные дивизии оснастили гужевым транспортом.

Следовательно, разделение дивизий немцев на пехотные и танковые — это мера вынужденная, по их изначальной идее все дивизии вермахта должны были быть танковыми в немецком понимании, т.е. такими, как наши нынешние мотострелковые.

* * *

Исходя из смысла того, что такое победа в бою, наши сегодняшние танковые войска (полки и дивизии) бессмысленны, поскольку танк сам не в состоянии очистить территорию от врага, следовательно, он не может и одержать победу в бою.

Мне скажут, что нашим танковым войскам никто и не ставил в задачу самостоятельно одерживать победу, они должны действовать вместе с мотострелками. Я знаю, все же хоть и офицер запаса, но меня учили тактике, и я помню, с кем должен идти в атаку.

Когда, развернув свой взвод в боевую линию, я пойду в атаку, за мной должна подняться в атаку мотострелковая рота. Все это правильно, и все хорошо, но возникает вопрос: если в этой атаке сгорят мои танки и погибнут экипажи, кто будет виноват в этом? Я или командир мотострелковой роты, который не уничтожил гранатометчиков? Если я придан этому ротному, то вроде он, но и у него есть доводы — а может, мои танкисты сгорели потому, что это я плохо подготовил их к бою или плохо командовал ими в бою? То есть — я сам и виноват.

Отвлекусь. Тактику нам читал тогда подполковник Н.И. Бывшев, ветеран, танкист.

Помню занятие по тактике— я командир танка, идущего с пехотой в атаку, мне нужно давать команды экипажу. Я командую заряжающему: «Бронебойным!» Наводчику: «Ориентир два вправо 10 танк в окопе 1100!» И на подтверждение заряжающего «Готово!» и наводчика «Цель вижу!» даю команду механику-водителю: «С короткой!» Но скомандовать «Огонь!» Николай Иванович мне не дал: «Нельзя останавливаться!» (По команде «С короткой» механик-водитель должен остановиться на время, пока наводчик наведет пушку на цель и выстрелит, т.е. на 3-5 секунд). «Почему? — удивился я. — Ведь с места точнее прицелишься и больше вероятности, что попадешь».

«Потому,— пояснил настоящий танкист, ходивший в такие атаки во время войны, — что пехота, увидев, что ты остановился, немедленно заляжет, а поскольку над ней будут свистеть пули, то поднять ее будет невозможно и дальше ты пойдешь в атаку один». Это к вопросу о том, как на реальной войне взаимодействуют несколько родов войск.

Но вернемся к примеру со сгоревшими танками. И ротный может доказать, что не виноват, и я могу. А если никто не виноват, то нет и ответственного за бой, а если нет ответственного, то нет и единоначалия, а нет единоначалия, то это уже не армия, а бардак.

Вы скажете — а как же немцы? Ведь у них тоже танкисты были в танковом полку, а пехота — в мотопехотном. Пусть и в одной дивизии, но все же разделены на рода войск.

Это разделение было вызвано не потребностями боя, а экономическими возможностями. 22 июня 1941 г. сухопутные войска Германии напали на нас силами 121 дивизии, из которых лишь 17 были танковыми. Но ведь проблемы, требующие танков для их решения, возникали и у пехотных дивизий. И танковые дивизии командировали на время свои подразделения (сопровождаемые ремонтно-эвакуационными) в пехотные дивизии. Уже по этой причине включить танки в состав пехоты было невозможно. По этой причине тяжелые танки «Тигр» вообще не включались в армейские танковые дивизии, а составляли 14 отдельных батальонов и несколько рот отдельных и в дивизиях СС. То есть то, что у немцев существовали и танковые части, исходило не из их принципа ведения боя, а из необходимости: ножки нужно протягивать по одежке.

Но надо обратить внимание на вопрос, который у нас среди историков никто и не ставит

— это исключительное воинское товарищество, существовавшее в гитлеровской армии. Ведь немцы выручали друг друга ценою жизни вне зависимости от того, в каких родах войск находились. Вот, к примеру, строчка из записок Г. Гудериана: «3 сентября я проехал мимо тыловых подразделений 10-й мотодивизии и участвовавшей в бою хлебопекарной роты к мотоциклетным подразделениям дивизии ССТейх"». Как вам нравится эта «хлебопекарная рота»?

Или вот начальник штаба 20-й танковой дивизии немцев докладывает о боях по блокированию под Вязьмой соединений нашей 33-й армии. Сообщает, что с 1 по 26 февраля 1942 г. отбил 65 атак численностью свыше батальона с танковой поддержкой и 130 атак численностью менее батальона, уничтожив при этом 26 танков силами дивизии и 25 танков приданными батареями 88-мм зенитных пушек. Танковая дивизия — это сухопутные войска, подчинявшиеся своему главнокомандующему фельдмаршалу Браухичу. 88-мм зенитки — это люфтваффе, подчинявшиеся рейсхмаршалу Герингу. А 88-мм зенитка — это орудие больших размеров и весом в 8 т. Выкатить его на прямую наводку против наших танков — это большой риск для зенитчиков, чье дело сбивать самолеты. Но выкатывали и подбивали наши танки. Немцы как-то умели объединить свою армию в едином порыве.

В Грозном чеченские боевики уничтожали опорные пункты МВД России, а рядом расположенные армейские части и пальцем не шевелили. Вы скажете, что это предательство Кремля. Да, но в чем оно выразилось? В том, что на одном поле боя было два рода войск с одной задачей, но подчинявшихся разным командирам. Ведь если бы и армия, и МВД подчинялись одному, если бы этот командир отвечал за каждого убитого солдата и милиционера одинаково, то этого бы не было.

Вот такие размышления еще раз подвели меня к первому выводу, что танковые войска в том виде, в каком они у нас сегодня существуют, никому не нужны. Не только их идея не соответствует идее победы в наземном бою, но она и создает трудности в управлении войсками.

* * *

Однако то, что написано выше, это мелочи, пустяки, и не стоило бы о них упоминать,

Главная ударная сила

Автор: Administrator
24.05.2011 13:29 -

если бы не более серьезные обстоятельства. Давайте вспомним историю танковых войск.

После своего рождения в годы Первой мировой войны и подросткового состояния, танковые войска достигли своего расцвета именно у немцев.

В 1939 г. тогда еще немногочисленные танковые дивизии шли впереди тогда еще достаточно юной армии Германии и обеспечили разгром миллионной армии Польши за две недели.

В 1940 г. танковые армии немцев обеспечили окружение и разгром превосходящей по силам армии франко-английских союзников практически тоже за две недели.

В 1941 г. четыре танковые армии немцев во главе сухопутных войск обеспечили громкие победы германскому оружию под Минском, Смоленском, Вязьмой, Киевом. А в 1942 г. — под Харьковом с выходом к Волге и Кавказу. В том же году советские танковые войска пробили бреши для окружения немцев под Сталинградом, и далее советские танкисты составляли кулаки тех ударов, которыми Красная Армия погнала немцев назад к Берлину.

Но дальше все пошло не так. Закончилась Вторая мировая, танковые войска во всех странах непрерывно развивались в сторону резкого удорожания танков и содержания этих войск. Казалось, они становятся все сильнее и эффективнее. Но...

Арабо-израильские войны, в которых египтяне и сирийцы имели превосходящие танковые силы и наших советников, окончились для арабов поражением. Наличие танковых войск не привело к победе.

Вьетнамская война не добавила славы танковым войскам США, неплохие американские танки ничего в этой войне не решили.

Афганская война показала бесполезность этих войск даже против достаточно слабого противника.

То же показала война в Чечне.

Оказалось, что стороне, имеющей развитые танковые войска и «суперсовременные» танки, проиграть войну ничего не стоит.

Мне скажут, что арабы — плохие солдаты, что в джунглях танку воевать неудобно, что в горах ему воевать неудобно, что в городах ему воевать неудобно. А почему? Почему сегодня такие танки, что им нигде воевать не удобно? Почему танк, прикрытый 100 мм брони, не может воевать в городе, а пехотинец, прикрытый только собственной гимнастеркой, может? Почему мы строим такие танки, которые не могут воевать там, где надо воевать?

И кто сказал, что они способны воевать там, где якобы они могут воевать, — в чистом поле? Ведь и там из замаскированных окопов по ним могут шарахнуть из гранатомета не хуже, чем из окна здания в городе. Более того, в чистом поле их ждет то, что в городе применить нельзя — противотанковые реактивные управляемые снаряды (ПТУРСы).

Так что дело не в том, что танки применяют там, где, по мнению кабинетных теоретиков, их «применять нельзя», а в том, что нынешние танки ни для какого боя не годятся — это бесполезно сделанные обществом затраты.

* * *

О том, как смотрят на применение танков нынешние специалисты, хорошо видно из статьи В. Ильина и М. Никольского «Современные танки в бою» из журнала «Техника и оружие» №1, 1997 г. Хотя статья в общем посвящена сравнению наших и израильских танков, но в ней показаны и конкретные примеры боев.

«Ливан, 1982 год. Первыми танками нового поколения, принявшими участие в реальных боях, стали Т-72 сирийской армии и израильские «Меркавы» Mk.1. 6 июня 1982 года началась пятая арабо-израильская война. В ходе операции «Мир для Галилеи» израильская армия, поддерживаемая мощными ударами с воздуха, вторглась в Южный Ливан и начала продвижение в направлении Бейрута, громя лагерь Организации освобождения Палестины, которую поддерживала Сирия.

Первые два дня боев израильтянам противостояли лишь палестинские бригады «Айн Джалут», «Хатын» и «Эль Кадиссия», вооруженные устаревшим советским оружием (в частности, танками Т-34 и Т-54). Главные силы сирийской группировки в Ливане — три дивизии в первом эшелоне и две во втором — к началу израильского наступления находились в запасных районах. В полосе обороны остались лишь силы прикрытия, а также ложные цели — надувные, закамуфлированные под цвет местности «танки», «орудия» и «зенитные ракетные установки», покрытые металлизированной краской и снабженные термоизлучателями, имитирующими работу двигателей. Поэтому первый авиационно-артиллерийский удар израильтян перед форсированием реки Захрани пришелся практически по пустому месту.

Главное танковое сражение развернулось утром 9 июня: за ночь сирийские войска выдвинулись из запасных районов и заняли заранее оборудованные оборонительные полосы. С рассветом четыре дивизии израильтян на фронте шириной более 100 км — от побережья Средиземного моря до горных районов Гармон — двинулись на противника. С обеих сторон в сражении участвовало около трех тысяч танков и боевых машин пехоты. Бой продолжался весь день и не принес ни одному из противников явного успеха. В ночь с 9 на 10 июня сирийцы провели мощный артиллерийский контрудар по передовым позициям противника, а с рассветом сирийский огненный вал обрушился по второму эшелону израильтян. 10 июня их наступление, практически выдохлось по всему фронту.

В ходе этих боев сирийские сухопутные войска уничтожили более 160 израильских танков. Значительный вклад в достижение успеха в боях 9—10 июня внесли танки Т-72, лишь недавно поступившие на вооружение сирийской армии. Им противостояли модернизированные танки М60А1 (часть которых была оснащена реактивной навесной броней «Блейзер» израильского производства), а также новейшие израильские машины «Меркава» Mk.1 (к началу боевых действий Израиль располагал 300 танками этого типа).

Как правило, танковые сражения начинались на дальностях 1500-2000 м и заканчивались на рубеже сближения до 1000 м. По утверждению главного военного советника при министерстве обороны Сирии генерала Г.П. Яшкина, лично принимавшего участие в руководстве боевыми действиями в Ливане, танки Т-72 показали свое полное превосходство над бронетанковой техникой противника. Сказалась большая подвижность, лучшая защищенность и высокая огневая мощь этих машин. Так, после боя в лобовых листах некоторых «семьдесятдвоек» насчитали до 10 вмятин от «болванок» противника, тем не менее танки сохраняли боеспособность и не выходили из боя. В то же время 125-мм снаряды Т-72 уверенно поражали неприятельские машины в лоб на дальности до 1500 метров. Так, по словам одного из очевидцев — советского офицера, находившегося в боевых порядках сирийских войск, — после попадания снаряда пушки Д-81 ТМ с дистанции приблизительно 1200 м в танк «Меркава» башня последнего была сорвана с погона.

...Израильский фронт оказался перед угрозой развала, но 11 июня в 12 часов боевые действия были приостановлены: американские эмиссары Шульц и Хабиб, прибывшие в Дамаск, убедили сирийское руководство прекратить контрнаступление, гарантировав, что Израиль в 10-дневный срок выведет войска из Ливана и вступит в переговоры с Сирией.

Однако мир в Галилее так и не наступил. Боевые действия возобновились 18 июля, когда израильтяне вновь предприняли попытку крупномасштабного наступления, бои носили крайне ожесточенный характер. Лишь 21-я бригада 3-й танковой дивизии сирийцев в боях на подступах к Дамасскому плато уничтожила 59 бронированных машин противника. На этот раз, кроме танков Т-72, отлично зарекомендовали себя мобильные противотанковые ракетные комплексы «Фагот», которыми были вооружены срочно созданные подвижные противотанковые взводы танковых бригад сирийской армии. Из СССР по воздуху было переброшено 120 ПТРК (с боекомплектом по шесть ракет на каждый). Уже в Сирии комплексы смонтировали на автомобилях типа «джип». За несколько дней боев они сожгли более 150 танков противника (досталось от «Фаготов» и «Меркавам»).

...Хорошо зарекомендовал себя и израильский танк «Меркава» Mk.1, обеспечивающий отличную защиту для экипажа. Об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания одного из участников боев, находившегося в составе сирийской армии. По его словам, батальон сирийских Т-72, совершая ночной марш, неожиданно «выскочил» на подразделение «Меркав», ждавшее прибытия топливозаправщиков. Завязался ожесточенный ночной бой на короткой дистанции. Сирийские танки, развившие высокий

темп огня, быстро расстреливали свой боекомплект в барабанах автоматизированных боеукладок. Однако, к досаде сирийских танкистов, результатов их стрельбы не было видно: танки противника не горели и не взрывались. Решив больше не искушать судьбу, сирийцы, практически не понесшие потерь, отступили. Через некоторое время они выслали разведку, которая обнаружила поистине удивительную картину: на поле боя чернело большое число неприятельских танков, брошенных экипажами. Несмотря на зияющие в бортах и башнях пробоины, ни одна «Меркава» действительно не загорелась: сказалась совершенная быстродействующая система автоматического пожаротушения с ИК-датчиками и огнетушащим составом «Галон 1301», а также отличная защита боеукладки, размещенной в задней части боевого отделения с разнесенным бронированием».

Из этого описания боев совершенно не видно, чтобы нынешние танковые войска хоть в малой мере взаимодействовали со стрелками. Танковые бои ведутся только танками и как-то отдельно от остальной войны.

* * *

Но вернемся к танку. Исходя из общей философии наземного боя, какими качествами должен обладать танк? Танк, а не дорогостоящий трофей, за которым нынешние стрелки начинают охоту уже с 3000 м.

Танк слеповат, и храбрый пехотинец всегда улучит момент, чтобы выстрелить по танку, находящемуся на защищенном стрелком опорном пункте. Следовательно и прежде всего — танк должен быть неуязвим от огня оружия, имеющегося в распоряжении стрелков. Иначе это не танк: свою пехоту от потерь он защитить не сможет и для победы в бою ничего не даст.

Второе. Танк должен иметь оружие, с помощью которого удобно уничтожать пехотинцев противника. Это понятно, иначе, находясь даже целым и невредимым в опорном пункте, он не сможет удержать стрелков противника от огня по своей пехоте. Такой танк тоже не исполнит своего предназначения и тоже не нужен.

В плане оружия танка возникает несколько вопросов.

Танк не может заехать в опорный пункт противника и встать: неподвижная мишень— очень хорошая мишень. Кроме того, опорный пункт — это одна или несколько траншей, вырытых зигзагообразно, и огневые точки в глубине опорного пункта. Стрелки противника будут прятаться на дне траншей и укреплений, и их не будет видно. Над траншеями и укреплениями танку надо пройти и выместить из них противника огнем. Когда он в опорном пункте повернет вдоль траншей, то с одного борта у него будут свои войска, а с другого— противник. Этого противника тоже надо удержать от огня по танку и своей пехоте огнем оружия танка. Поэтому танк должен иметь возможность вести одновременный огонь, как минимум, в двух направлениях.

Танки начала той войны этой способностью обладали. Они могли идти вдоль траншей, и стрелок из пулемета в лобовой плите танка простреливал траншею перед танком. А башенный стрелок (наводчик пушки и спаренного с ней пулемета), развернув башню, простреливал тылы противника. (Когда немецкие танки шли над нашими окопами, то в некоторых случаях открывали люк в днище танка и радист из автомата простреливал окопы сверху вниз).

Нынешние танки на это не способны — у них всего одна огневая точка — пушка и спаренный с ней пулемет в башне.

Еще момент. Представим, что во время атаки, когда ваш танк утюжит основную траншею опорного пункта, отступающий пулеметчик противника в 300-500 м от вас перемахнул какое-нибудь шоссе и устроился за его насыпью. Вам видна только его голова и пулемет, из которого он даст очередь и спрячется за насыпью, а потом вынырнет в 10 м справа или слева и снова даст очередь. А немецкий пулемет МГ-42 за 10 секунд выплевывал 250 патронов. Такой очередью нетрудно уложить человек 10 ваших пехотинцев, бегущих в атаку.

Если вы в современном танке, то вам надо ухитриться, управляя механизмами, поворачивающими многотонную башню и поднимающими-опускающими многотонную пушку со спаренным с ней пулеметом, подвести прицельную марку прямо под подбородок шустрому пулеметчику, пока он не скрылся. Это не просто. Пушкой или пулеметом, но стрелять ему нужно только точно в голову, поскольку по-другому его не достанешь, и вот почему.

На современном танке очень мощная пушка калибра 125-мм, которая посылает снаряд весом около 30 кг с огромной скоростью. Этот снаряд на большое расстояние летит практически по прямой (по настильной траектории). Если снаряд отклонился вниз на 20 см от головы пулеметчика (даже если он и не успел ее убрать), то разорвется во внешней насыпи шоссе. Снаряды мощной пушки ложатся на землю плашмя и почти не дают убойных осколков. Пулеметчика, возможно, ударит взрывной волной, и только. Если снаряд отклонится вверх на 20 см от головы пулеметчика, то разорвется метрах в 200 от него сзади. Чтобы попасть в такого пулеметчика из современной пушки, надо быть стрелком, попадающим белке в глаз навскидку.

А вот если у вас на танке пушка, как на первых выпусках немецких танков Т-III и Т-I/ (маломощная, с длиной ствола всего в 24 калибра), то, несмотря на ее небольшой калибр (75-мм), вы этого пулеметчика достанете очень быстро. Снаряд этой пушки уже на небольшие расстояния летит по крутой траектории, т.е. сначала вверх, а потом вниз. При такой траектории насыпь шоссе для вас не преграда — вы перебросите снаряд через шоссе на голову даже спрятавшегося пулеметчика. Кроме того, при такой траектории снаряд падает уже не плашмя, а под углом к земле и убойных осколков дает много. Так что, если пулеметчик и отбежит от того места, куда вы выстрелили, то осколки его догонят.

Вот почему Гудериан сожалел, когда такие короткоствольные пушки на танках пришлось заменить на мощные, — по пехоте стало нечем стрелять.

Кроме того, из пушек современных танков долго и стрелять нельзя. Если у основных танков воюющих сторон в ту войну был в танке запас не менее 80 выстрелов к пушке, а то и более 100, то у современного танка Т-80У боезапас к пушке составляет 45 снарядов. Четверть из них считается НЗ (неприкосновенным запасом) и расходуется только по разрешению командования. С тремя десятками выстрелов не сильно настреляешься.

* * *

Станковым оружием разобрались, теперь давайте разберемся с противотанковым. Для

того чтобы вывести из строя танк и его экипаж, нужно пробить его броню. Для этого существует два вида снарядов.

Первый вид — собственно бронебойные снаряды, которые, ударяясь снаружи о броню, раздвигают ее, проталкивают внутрь часть брони перед собой и сами влетают в заброневое пространство танка, ломая оборудование и убивая экипаж. (Внутри танка бронебойные снаряды могут еще и разорваться, если в них помещен заряд взрывчатого вещества).

Проломить таким образом броню — это очень большая работа, поэтому бронебойный снаряд, подлетая к танку, должен иметь очень большую кинетическую энергию. Эта энергия, как должно быть известно из школы, пропорциональна массе снаряда и квадрату его скорости. Отсюда, чем толще броня, которую надо пробить, тем тяжелее должен быть снаряд, или, что более эффективно, выше его скорость. На практике и снаряд берут тяжелый, и скорость стараются ему придать как можно более высокую.

Вот, скажем, немецкая винтовка калибра 7,92 мм бронебойной пулей весом около 8 г со стальным сердечником, вылетавшей из ствола со скоростью 895 м/сек, пробивала 10 мм брони на расстоянии 100 м. На этом же расстоянии, но пулей с вольфрамовым сердечником, вылетающей из ствола со скоростью 930 м/сек, пробивала лист брони толщиной 13 мм. Противотанковое ружье такого же калибра 7,92 мм, но стрелявшее пулей весом 14,5 г, с начальной скоростью 1210 м/сек, пробивало на расстоянии 100 м броню толщиной в 30 мм. С расстоянием скорость пули падает, поэтому на расстоянии 300 м противотанковое ружье пробивало броню 20-25 мм.

То же и у пушек. Наша 76-мм пушка, стоявшая на танках Т-34 и КВ-1, бронебойным снарядом весом 6,3 кг, вылетавшим из ствола со скоростью 662 м/сек, на расстоянии 500 м пробивала 69 мм брони, а специальным бронебойным снарядом (подкалиберным) весом 3 кг, но имевшим начальную скорость 965 м/сек, на этом расстоянии пробивала броню 92 мм. А 152-мм пушка-гаубица, стоявшая на самоходных установках, своим 49-кг снарядом, вылетавшим со скоростью 600 м/сек, пробивала 100 мм брони даже на дальности в 2 км.

Короче, чтобы пробить толстую броню бронебойным снарядом, нужна мощная пушка с длинным стволом, сообщаящим снаряду как можно большую скорость — это во-первых.

Во-вторых, чем толще броня, тем более крупного калибра должна быть пушка. Ну и чем дальше пушка от танка, тем меньше вероятности, что она пробьет его броню из-за падения скорости полета снаряда.

Но есть и другой вид снарядов—кумулятивные. Главное в них—это взрывчатое вещество, как правило, цилиндрической или конической формы, у которого в торце, обращенном к броне, выполнена кумулятивная (собирающая, накапливающая) сферическая или коническая по форме выемка. При взрыве ударная волна движется перпендикулярно поверхности взрывчатки. В кумулятивной выемке волны с поверхности сферы или конуса сходятся в одной точке, образуя струю с очень высоким давлением. Если точку образования этой струи поместить на броню, то давление продавливают ее, вбрасывая внутрь танка ударную волну, газы и осколки самой брони. Само отверстие, пробитое в броне, порой невелико по диаметру, но осколков и ударной волны хватает, чтобы вывести экипаж и механизмы танка из строя. (При разрушении сталь брони так разогревается, что частично плавится. Поэтому раньше кумулятивные снаряды называли бронепрожигающими.)

Для кумулятивного снаряда не имеет значения ни его скорость, ни расстояние, с которого он прилетел. Им можно выстрелить из пушки, а можно его бросить рукой — эффект будет одинаков. Главное — для пробивания танковой брони самой взрывчатки требуется относительно немного.

В 1943 г. советские солдаты получили кумулятивную ручную противотанковую гранату РПГ-6, весившую 1,1 кг. Вес тротила в ней был 620 г, и она пробивала броню в 120 мм. Немецкий фаустпатрон, весом около 5 кг, стрелял на дальность до 70 м гранатой весом около 3 кг. Вес кумулятивного заряда был 1,7 кг, что обеспечивало пробивание брони 200 мм. А такая броня и сегодня танку не под силу, ее можно поставить только спереди, но на борту и корму даже у тяжелых танков идут бронелисты в 60-80 мм.

Кумулятивные гранаты (гранатометы и их разновидности) решили вопрос борьбы пехоты с танками — пехота перестала их бояться.

Но у кумулятивного снаряда есть одна особенность — он должен разорваться строго ориентированно и строго на броне. Если он упадет плашмя на броню, то кумулятивная струя пройдет мимо брони или скользнет по ней и пробить ее не сможет. Если кумулятивный снаряд разорвется, не долетев до брони, то кумулятивная струя

рассеется и броню не проломит.

* * *

Теперь давайте рассмотрим, с чего танкисты начали и как дошли до сегодняшнего состояния дел.

Трудно сказать— понимали ли генералы Красной Армии перед войной философию будущих боев (их принцип). Скажем, в своем известном докладе «Характер современной наступательной операции» на Совещании в декабре 1940 г. Г.К. Жуков учил, что оборону противника должны прорывать стрелковые корпуса, а танковые располагал в тылу для будущего броска в пробитую стрелками брешь. Видимо, смотрел на танки, как на самодвижущуюся тележку, которая ездит быстрее тарантаса.

Строго говоря, танки, которые соответствовали философии будущих боев, — это Т-35 (пятибашенные) и Т-28 (трехбашенные). Эти танки имели маломощную пушку, а их огневые точки позволяли вести огонь не только в двух, но и в трех, и в пяти направлениях. Но у них была очень тонкая броня, они были маломощные и, главное, немцам и не пришлось их подбивать — подавляющее их число сломалось, так и не доехав до поля боя. Получив эти трофеи, немцы не стали их использовать в боях (Т-34 и КВ-1 они использовали), правда, один трофейный Т-28 был на вооружении финской армии.

Легкие танки Красной Армии (Т-26 и БТ) философии боя не соответствовали ни по какому параметру — их броня пробивалась из винтовки, огневая точка была только одна, а 45-мм пушка была относительно мощной с настильной траекторией стрельбы.

Лучшими танками были Т-34 и КВ — их мощную броню с трудом пробивали даже пушки, а немецкая пехота против нее была бессильна. Огневых точек было две — достаточно. Но пушка на них была мощной, противотанковой. Тем не менее, Т-34 вызывал зависть даже у Гудериана, а КВ немцы использовали в своих батальонах тяжелых танков, когда наши артиллеристы и танкисты выбивали у них «тигры».

Немцы свою технику подготовили к боям абсолютно точно — их основные танки Т-111 и Т-1/ и даже легкий 38^А имели бронирование, против которого наши стрелки не имели никакого оружия, кроме связок противопехотных гранат и бутылок с бензином. Все вышеуказанные немецкие танки могли вести огонь одновременно в двух направлениях, основные танки имели короткоствольные маломощные противопехотные пушки, и только на 38-1 стояла длинноствольная 37-мм пушка, но просто потому, что на этот легкий танк никакую другую поставить было нельзя.

Напомню то, о чем уже писал, — немцы не предполагали использовать свои танки для борьбы с нашими. Наши танки должна была уничтожить их артиллерия и авиация, в чем они, к сожалению, преуспели.

Ударив по нашим войскам своими танковыми дивизиями 22 июня 1941 г., немцы начали быстрое продвижение, в ходе которого основной целью становилась наша артиллерия. У нас историки пишут о потерях авиации и танков, а о потерях материальной части артполков как-то молчат. А ведь тут положение было не менее катастрофическим. Вот, скажем, передо мною данные о наличии артиллерии в нашей 43-й армии в начале 1942 г., перед тем, как эта армия попыталась пойти в наступление и прорваться на выручку окруженным под Вязьмой соединениям 33-й армии.

В нашей дивизии в двух артполках и в батареях стрелковых полков должно было быть по штату 90 стволов артиллерии калибра 76-мм и выше. В 7 дивизиях и одной стрелковой бригаде 43-й армии в среднем на соединение приходилось не 90, а 23 ствола — четверть от штатного количества.

К началу войны в артполках по штату было 36 орудий. В 6 гаубичных и пушечных артиллерийских полках 43-й армии (корпусных и РГК) в среднем было по 15 стволов — чуть больше 40%.

Даже по довоенным штатам в каждой дивизии должно было быть по 54 45-мм противотанковых пушек. В соединениях 43-й армии в среднем было по 11 стволов, причем это с трофейными 20- и 37-мм пушками, т.е. едва пятая часть даже не потребной, а штатной численности.

Но это состояние артиллерии армии, наступавшей с декабря 1941 г., а каково оно было в ходе нескончаемых отступлений лета и осени?

Немцы нашими грабинскими 76-мм пушками Ф-22 вооружали свои противотанковые САУ «Мардер» и всего произвели 555 этих самоходно-артиллерийских установок. Но ведь даже этим количеством пушек раньше было вооружено более 15 наших дивизий, а сколько же этих пушек было уничтожено или выведено из строя оставшимися в живых номерами расчетов перед тем, как их бросить? (Сами немцы считают, что в наступлении 1941 г. они взяли половину нашей артиллерии.)

Нашим войскам, оставшимся без артиллерии, нечем было уничтожать немецкие танки, и командование вынуждено было использовать против них советские танки, т.е. использовать эти танки не для уменьшения потерь советской пехоты в атаках, а как противотанковые пушки на гусеницах. Благо, все наши танки были вооружены мощными пушками, даже сорокапятки легких танков БТ и Т-26 с близкого расстояния способны были уничтожить любой немецкий танк той поры. Мы начали навязывать немцам танковые бои и с успехом.

А когда танкам навязывается такой бой, то уклониться им очень трудно. Это в обороне танк мог спрятаться за противотанковыми и зенитными пушками, но в наступлении он идет впереди всех родов войск— как тут уклонишься, да еще и от наших быстрых БТ и Т-34? Гудериан писал:

«Наш танк Т-1/со своей короткоствольной 75-мм пушкой имел возможность уничтожить танк Т-34 только с тыловой стороны, поражая его мотор через жалюзи. Для этого требовалось большое искусство. Русская пехота наступала с фронта, а танки наносили массированные удары по нашим флангам. Они кое-чему уже научились. Тяжесть боев постепенно оказывала свое влияние на наших офицеров и солдат ... Поэтому я решил немедленно отправиться в 4-ю танковую дивизию и лично ознакомиться с положением дел. На поле боя командир дивизии показал мне результаты боев 6 и 7 октября, в которых его боевая группа выполняла ответственные задачи. Подбитые с обеих сторон танки еще оставались на своих местах. Потери русских были значительно меньше наших потерь... Приводил в смущение тот факт, что последние бои подействовали на наших лучших офицеров».

К этому времени стало ясно, что блицкриг накрылся, а Урал будет строить танки во все возрастающих количествах. Следовательно, немцам стало понятно, что наше командование и в дальнейшем будет рассматривать танк основным средством борьбы с немецкими танками.

Немцам некуда было деваться, и они пошли на ухудшение своих танков— они стали устанавливать на них мощные длинноствольные пушки для единоборства с нашими танками. Почему это ухудшило танки?

Потому что для борьбы с танками нужна только пушка. Если танк предназначать для борьбы с танками, то тогда он бессмысленно возит еще два пулемета, стрелка, боезапас — ведь ничего из этого для боя с танками не требуется.

Оптимальна для борьбы с танками самоходно-артиллерийская установка (САУ). У нее из оружия — только мощная пушка. Установка легче танка, так как ей не нужна башня, поэтому, кстати, можно поставить и более толстую лобовую броню.

Вот смотрите. Мощную 75-мм пушку немцы ставили на танк Т-1/ и САУ «Хетцер». У Т-1 почти вертикальные лобовые листы имели толщину 50 мм, а у «Хетцера» лобовой лист был наклонен к горизонтали под углом 30°, но толщину имел 60 мм. Тем не менее Т-1У весил 24 т, а «Хетцер» — 16 т.

Надо сказать, что у немцев шла борьба: часть танкистов настаивала, чтобы на новые танки «Тигр» и «Пантера» ставилась маломощная пушка либо гаубица. Но страх столкнуться с советскими танками был столь велик, что и Гитлер, и Гудериан отстаивали все же мощные орудия.

Правда, они все время искали компромиссные варианты. Так, в тяжелые танковые батальоны «Тигров», состоящие обычно из 43 машин, добавлялась рота (14 машин) старых танков Т-Ш с короткоствольной пушкой, но в целом уже нельзя было остановить

наметившуюся тенденцию к установке на танк мощной пушки.

В ответ на Т-34 немцы установили на свои танки длинноствольную пушку калибра 75 мм и увеличили лобовую броню до 80. В ответ мы увеличили на Т-34 броню до 90 мм и поставили мощную пушку калибра 85 мм. Немцы на «Тигр» установили броню 100 мм и мощную пушку калибра 88 мм. В ответ мы на тяжелом танке ИС-2 увеличили броню до 120 мм, а пушку поставили калибром 122 мм.

И эта гонка в танкостроении продолжается до сих пор. В 60-е годы мы имели средний танк Т-55 с мощной пушкой 100 мм. Западные немцы поставили на свой «Леопард» гладкоствольную 105-мм пушку. Мы в ответ на Т-62 поставили гладкоствольную 115-мм. Не помню, кто нацелил нас на следующий подвиг, может, английский «Чифтен» с его 120-мм пушкой, но на Т-64 мы уже поставили гладкоствольную дуру калибра 125-мм.

Вес танка непрерывно растет. В угоду пушке и броне мы уже в 1944 г. сняли с танков курсового стрелка, танки потеряли возможность вести огонь в двух направлениях и полностью превратились в противотанковую пушку на тележке. Немцы устояли в этом вопросе только до конца войны.

Броня также непрерывно росла, поднимая общий вес танка, — в последних моделях многослойная броня превышает полметра. Если в 1941 г. средний танк весил 20—25 т, то сегодня его вес приближается к 50-тонному «тигру».

* * *

Когда я уже написал эту статью, купил журнал «Техника и вооружение» №7/98 с проблемной статьей М. Растопшина «Каковы наши танки сегодня?».

Наш танк Т-80У при весе в 46 т несет на себе бронезащиту весом 23,5 т и при этом все же уступает американскому танку М1А2, у которого вес бронезащиты 30 т, но сам американец уже весит 59 т.

При этом действительно толстая броня у этих танков только спереди. Если поставить танки в центр круга, то в секторе 30 градусов вправо и влево у них спереди бронезащита достигает толщины, эквивалентной 500-700 мм однородной стальной брони. В оставшемся секторе в 300 градусов и сверху броня в 40-60 мм.

Американская 120-мм пушка пробивает лобовую броню нашего Т-80У, и поэтому у наших конструкторов задумка создать танк «Черный орел» с еще более толстой броней. Под эту задумку американские конструкторы уже разрабатывают пушку калибра 140 мм. Уныния у конструкторов нет. В ответ на их дуру в 140 мм, мы уже прикидываем компоновку нашего танка с пушкой 152 мм.

С такой броней и пушкой нынешние танки можно ставить на баржу и смело посылать в бой с броненосцами, но к пехоте эти танки подпускать опасно — пехота живо превращает их в металлолом.

Ведь с 1943 г. по наше время и фаустпатроны с кумулятивной боевой частью тоже развились в многочисленные легкие, дешевые, мобильные средства, способные пробить любую, даже самую толстую броню. Пехота так сегодня вооружена, что танк становится для нее лакомой добычей.

Вот эпизод конкретного боя. В Чечне наши стрелки подошли к аулу, но наткнулись на плотный огонь чеченцев и залегли. На помощь им выехало два танка Т-80. Не успели танки подойти к аулу на 1,5 км, как чеченский оператор ПТУРС пустил по ним одну за другой две противотанковые управляемые ракеты (с кумулятивной боеголовкой) и сжег их моментально. Это пример использования танков на открытой местности.

Сегодня только танки пробивают броню танков бронебойным снарядом, да и то у них в боекомплекте есть и кумулятивные. Все остальные рода войск, включая артиллерию и авиацию, перешли на борьбу с танками только этим видом снаряда.

Танк начисто потерял свою неуязвимость и, в сочетании с потерей остальных боевых свойств, в бою перестал что-либо определять — стал дорогостоящей игрушкой генералов.

Где же выход? Можно ли защититься от кумулятивного снаряда? Да, можно. Хотя бы тем же экраном. Тогда вопрос— почему до сих пор конструкторы не заэкранировали танк?

Потому что кумулятивный снаряд— это взрывчатка немалого веса. Он не только создает пробивающую броню кумулятивную струю, но и ударной волной разносит все вокруг. Отсюда следует, что для того, чтобы выдержать вероятные в бою несколько десятков попаданий по экрану, экран должен быть очень прочный и, следовательно, тяжелый. А утяжелять танк уже некуда, он уже и так не по каждому мосту пройдет. Весь запас веса танка конструкторы употребили на создание толстой брони — защиты от бронебойного снаряда. На защиту от кумулятивных снарядов веса не осталось.

Что могли, конструкторы сделали — повесили экраны на ходовую часть, на броне закрепили контейнеры со взрывчаткой (динамической защитой). При попадании в этот контейнер кумулятивная струя подрывает взрывчатку в контейнере, и ее взрыв разбрасывает эту струю, не давая ей пробить броню. Но к весу взрывчатки в снаряде добавляется ее вес в контейнере — такой удар по себе может выдержать только толстая броня. Поэтому такими контейнерами танки защищаются в тех местах, где броня и так толстая. Борты, крыша и корма остаются без защиты, а это именно те направления, по которым пехота к танку и подбирается. В лоб его бить из гранатомета никто не будет — все же спереди в башне расположены пулемет и смотровые приборы. А с боков и сзади танк и слеп, и беззащитен.

Можно ли надежно защитить танк от кумулятивных снарядов, имеющихся в распоряжении пехоты? Безусловно. Но нужно освободить конструкторов от нелепого требования ставить на танк броню, выдерживающую удар бронебойного снаряда. Снять требование иметь на танке нелепую корабельную пушку. Танк сразу вернется к своему первоначальному весу в 15-20 т, и на него можно будет надеть прочный, противокумулятивный экран, дать ему возможность стрелять в двух направлениях и загрузить сотней снарядов для этого.

* * *

У меня как у инженера чесались руки обсудить пару возникших предложений по конструкции этого танка, но я удержался — глава и так получилась длинная, а танкисты-конструкторы и без меня с этой работой справятся, и гораздо лучше меня. Главное — правильно поставить им задачу.

А она должна звучать так: создать НЕЧТО, что, попав в опорный пункт противника, не даст его пехоте вести огонь по своим, занимающим этот опорный пункт, стрелкам. И все, этого достаточно. Не надо даже требовать, чтобы конструкторы создали «танк». Может быть, они тому, что сконструируют, дадут другое название, более точное.

Поясню мысль об этом «нечто». Вот что пишет ветеран войны в Афганистане А. Чикишев в журнале «Солдат удачи» №6/99:

«Атака на противника в ее классическом понимании во время войны в Афганистане была явлением необычным. Если бы советские войска ходили в лобовые атаки на пулеметы противника, как это бывало в годы Великой Отечественной войны, то наши потери в Афганистане составили бы не пятнадцать тысяч убитых, а намного большее число. В атаку, как правило, не ходил никто. Исключение составлял лишь спецназ.

Его взаимодействие с вертолетчиками достигало такой степени, что позволяло даже на открытой местности атаковать позиции моджахедов. Происходило это следующим образом: вертолет заходил на цель и открывал по ней огонь из всех пулеметов, пушек и кассет с НУРСами. Нервы моджахедов, стрелявших до этого из крупнокалиберного пулемета и чувствовавших себя неуязвимыми, не выдерживали. Моджахеды спешили спрятаться от смерти в укрытиях. В этот момент спецназовцы совершали перебежку приближаясь к цели. Затем залегли, когда вертолет, выйдя из пикирования, шел на разворот, чтобы снова зайти на пулеметную позицию неприятеля. Сделав несколько перебежек, спецназовцы забрасывали расчет пулемета гранатами, если тот не успевал удрать, бросив оружие, или не был уничтожен огнем вертолетчиков.

Получив в свое распоряжение вертолеты, спецназ теперь проворачивал такие дела, о которых раньше не мог и подумать».

То есть функции, которые у немцев в начале Второй мировой выполнял танк, в Афганистане выполнял вертолет, но это, конечно, только потому что у пехоты противника еще не было мобильных средств борьбы с воздушными целями. Этим примером я хотел показать, что это «нечто» не обязательно должно иметь вид танка, но в данном случае мы говорим о наземной машине.

Я считаю, что наши конструкторы с этой работой, безусловно, справятся, но, для чистоты выводов, предположим, что нет. И даже в таком случае с тем, что мы называем танковыми войсками, надо прощаться — это бесполезная для Победы трата сил и денег...

Какие из всего этого напрашиваются выводы? Имеющиеся танковые дивизии нужно реформировать в стрелковые. А организация стрелковых полков мне видится так.

В состав стрелкового взвода должен быть включен тот танк, который наши конструкторы создадут. Есть у нас в составе этого взвода 3 БМП или 3 БТР, будет еще и 1 танк. А в состав полка включить дивизион САУ с мощной пушкой, в крайнем случае — роту Т-80.

Тогда идея боя формулируется следующим образом. Артиллерия и авиация перепахивают опорные пункты противника. При переносе ими огня на вторую линию обороны, опорные пункты атакуют взводы пехоты, пуская впереди себя свои танки. За пехотой идут батареи САУ, которые, если местность и видимость позволяют, своим огнем уничтожают видимые цели на поле боя и в тылу противника.

Если противник контратакует танками, то свои танки и пехота отходят за линию САУ, а те, во взаимодействии с ПТУРС и авиацией, расправляются с танками противника.

По сути это требование возврата к специализации родов войск. Нельзя повторять ошибку немцев, которые под нашим давлением из специализированных для борьбы с пехотой машин стали делать универсальные танки якобы для борьбы и с пехотой, и с танками одновременно. Этот универсализм хорош только в теории, а на практике

Главная ударная сила

Автор: Administrator
24.05.2011 13:29 -

получились машины и не для борьбы с танками, и не для борьбы с пехотой.

Нужна специализация: танки для борьбы с пехотой, САУ — для борьбы с танками.